
Раздел 3. СОВЕТСКАЯ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ ПЕРВЫХ ПЯТИЛЕТОК

УДК 94(47).084.6

DOI 10.25205/978-5-4437-1718-0-17

Ю.П. Голицын

АНУЛИРОВАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАЙМОВ И ФИНАНСИРОВАНИЕ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ В СССР

Yu.P. Golitsyn

CANCELLATION OF GOVERNMENT LOANS AND FINANCING OF INDUSTRIALIZATION IN THE USSR

Аннотация. В статье предпринята попытка показать последствия аннулирования советским правительством внешних и внутренних государственных займов в январе 1918 г. В международном отношении это вылилось в иностранную военную интервенцию, финансовую и кредитную блокаду, неоднократные попытки решить долговую проблему на двусторонних и многосторонних переговорах. Внутри Советской России попытка провести индустриализацию без получения внешних займов привела к изъятию церковных ценностей, форсированному экспорту леса, нефти, зерна, продаже за рубеж произведений искусства, насильственной коллективизации.

Ключевые слова: индустриализация, государственный долг, аннулирование, международные переговоры, Советская Россия, конфискация церковных ценностей, продажа произведений искусства, принудительные займы, коллективизация.

Об индустриализации в СССР написано огромное количество книг и статей. Казалось бы, изучены все политические и социально-экономические проблемы. Исследователи пришли к выводу, что основными при принятии решения о начале индустриализации были два тесно взаимосвязанных вопроса – о темпах и финансиро-

вании. И, по мнению многих историков, главной проблемой во второй половине 1920-х гг. стала валютная, так как промышленный переворот возможен только за счет зарубежных технологий и техники, а валюта была дефицитом. К сожалению, практически все исследователи на констатации этого и останавливаются, переходя зачастую к обсуждению перипетий политической борьбы внутри партийного руководства. Во многом это связано с тем, что советская система хозяйствования, по словам С.Н. Прокоповича, обусловила «постоянное стремление “политизировать” хозяйственную жизнь» [Прокопович, 1934. С. 83]. Это наложило отпечаток и на труды многих советских историков.

Однако острый недостаток валюты имеет свое объяснение. Прежде всего, это связано с аннулированием государственных займов в январе 1918 г. Говоря в 1926 г. о наличии в СССР источников накопления, достаточных для того, чтобы обеспечить индустриализацию страны, И.В. Сталин особо отметил значение отказа от оплаты займов дореволюционной России. «Я мог бы сослаться, – говорил И.В. Сталин, – на такой факт, как аннулирование царских долгов. Не следует забывать, что при оставлении этих долгов нам пришлось бы платить ежегодно несколько сот миллионов одних лишь процентов в ущерб промышленности, в ущерб всему нашему народному хозяйству. Нечего и говорить, что это обстоятельство внесло большое облегчение в дело накопления»¹.

Сталин здесь говорит лишь о положительной стороне вопроса, называет конкретные суммы экономии, однако последствия от аннулирования имели и отрицательную сторону. Подсчитать то, что было потеряно от такого радикального решения долговой проблемы, гораздо сложнее, может быть даже невозможно. Поэтому постараемся рассмотреть те события, которые, с одной стороны, стали следствием отказа от оплаты внешних и внутренних займов, с другой стороны – привели к необходимости принятия жестких мер для зарабатывания валюты для осуществления внешнеторговых операций.

21 января 1918 г. ВЦИК был принят очередной революционный декрет, основные положения которого звучали следующим образом: «1. Все государственные займы, заключенные правительствами рос-

---

¹ Сталин И.В. Собрание сочинений. М., 1951. Т. 8. С. 124.

сийских помещиков и российской буржуазии... аннулируются (уничтожаются) с декабря 1917 года. 2. Равным образом аннулируются все гарантии, данные названными правительствами по займам различных предприятий и учреждений. 3. Безусловно и без всяких исключений аннулируются все иностранные займы...»².

Критики декрета сразу же отметили, что после принятия декрета об аннулировании государственных займов «оборвана связь не только с союзниками, но и вообще с внешним миром, обрублены питательные провода, поддерживавшие расшатанное в корне русское государственное и народное хозяйство». Разбирая возможные последствия для России от принятия такого решения, эксперты считали вероятными следующие меры воздействия, к которым могли прибегнуть государства-кредиторы: «посылка дипломатических нот, меры строгости по отношению к подданным несостоятельного государства, открытие таможенной войны, неисполнение торгово-договорных обязательств и нарушение принципа наибольшего благоприятствования, наложение ареста на находящиеся в заграничных кредитных учреждениях суммы несостоятельного государства, установление над его финансами внешнего иностранного контроля и военная блокада берегов» [Зак, 1918. С. 112]. И практически все эти меры были использованы в дальнейшем против советского государства.

Однако последствия аннулирования оказались даже более значительными. И эти последствия стали проявляться практически сразу после появления декрета 21 января 1918 г., т.е. еще задолго до индустриализации.

Условно их можно разделить на внешние (международные) и внутренние.

О необходимости соблюдения международных обязательств советскому правительству напомнили очень быстро. Уже 14 февраля 1918 г. в Наркоминдел РСФСР поступила нота дипломатического корпуса, где говорилось: «Все союзные и нейтральные послы и посланники, аккредитованные в Петрограде, настоящим извещают Комиссариат по иностранным делам, что они рассматривают все декреты рабочего и крестьянского правительства об аннулировании государственных долгов, о конфискации собственности и т.д., по-

---

² Декреты Советской власти. М., 1957. Т. I. С. 386.

сколько они касаются иностранных подданных, как несуществующие»³.

Так как советское правительство проигнорировало эту ноту, со стороны стран-кредиторов последовали гораздо более агрессивные действия – началась иностранная военная интервенция. Именно Великобритания и Франция, будучи основными кредиторами, стали главными интервентами. Таким образом, одной из основных причин военной интервенции стран Антанты, что сопровождалось огромными потерями для нашей страны, было стремление восстановить в России такое правительство, которое бы гарантировало погашение внешних долгов, взятых царским и Временным правительствами.

Это прекрасно понимало и советское правительство. В воззвании, с которым 1 августа 1918 г. оно обратилось к пролетариату Франции, Англии, США, Японии и Италии, говорилось: «Первая их (буржуазных правительств. – Ю. Г.) цель – захват по возможности большей территории России, дабы ее богатствами, железными дорогами обеспечить проценты по займам для французского и английского капитала»⁴.

После окончания Гражданской войны ведущие европейские страны – бывшие кредиторы России – начали дипломатическую (отказ в признании), финансовую (отказ в кредитах) и золотую (отказ от покупки) блокады советского правительства.

Государственные кредиты за рубежом получить было невозможно, а продажа золота была возможна только с 25–30%-ным дисконтом под прикрытием нейтрального статуса Швеции. Российское золото тайно отправлялось в Швецию, где переплавлялось и дополнительно очищалось. После чего уже со штампами шведских банков поступало в продажу на международном рынке, там его с дисконтом покупали банки тех стран, где оно официально было запрещено [Осокина, 2009. С. 365]. В результате активных распродаж и тайной финансовой помощи Коминтерну на 1 февраля 1922 г., по сведениям Наркомфина, золотой фонд СССР составлял всего 217,9 млн руб., при этом неоплаченные платежи по обязательствам золотом достигли 103 млн руб. [Осокина, 2009. С. 365].

---

³ Внешняя политика СССР (1917–1920). Сборник документов. М., 1944. С. 48.

⁴ Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. Ч. 2. М., 1926. С. 158.

В 1922 г. в Генуе и Гааге были проведены две международные конференции, на которых решался так называемый «русский вопрос». Советская сторона просила предоставить ей кредиты для восстановления экономики, европейцы требовали признать «царские» долги. Обе конференции закончились ничем. Во многом нежелание европейских держав идти на компромисс объяснялось не только тем, что советское правительство предъявило требование по компенсации за интервенцию в 3 раза (39 против 13 млрд) выше, чем иностранцы по аннулированным долгам и национализации, но и тем, что в соответствии с Брестским мирным договором с Германией и ее союзниками РСФСР отправил в сентябре 1918 г. в Берлин два эшелона с золотом (на 120,799 млн руб.) и кредитными билетами (на 203,635 млн руб.) в качестве компенсации за убытки германских подданных, последовавшие после отказа РСФСР от выполнения обязательств по государственным займам и национализации их собственности⁵. Тем самым был создан прецедент для требований других кредиторов. Правда позднее, несмотря на то, что Брестский договор был аннулирован, золото перешло к Франции и Англии «в погашение долга России по отношению к обоим государствам»⁶.

Но Советской России удалось добиться дипломатического успеха, так как накануне Генуэзской конференции 16 апреля 1922 г. в договоре между РСФСР и Германией, который был заключен в Рапалло во время Генуэзской конференции, зафиксировано окончательное урегулирование советско-германских финансово-экономических отношений. Стороны согласились на нулевой вариант в отношении взаимных претензий «при условии, что Правительство РСФСР не будет удовлетворять аналогичных претензий других государств»⁷. Впоследствии этот документ стал основой для заключения кредитных договоров СССР с Германией в 1926, 1931 и 1932 гг.

В середине 1920-х гг. началась серия двусторонних переговоров, в ходе которых обсуждалась и проблема дореволюционных долгов. 14 апреля 1924 г. после прихода к власти в Великобритании лейбористского правительства состоялось первое пленарное заседание

---

⁵ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 7733. Оп. 1. Д. 7016. Л. 1.

⁶ Исторический архив. 1998. № 1. С. 137.

⁷ Советско-германские отношения от переговоров в Брест-Литовске до подписания Рапалльского договора. Сб. докум. М., 1971. Т. 2 (1919–1922). С. 480.

англо-советской конференции, где обсуждались все важнейшие проблемы двусторонних отношений, в том числе и долговые. Советская делегация противопоставила английским претензиям контр-претензии советских граждан к английскому правительству за ущерб, причиненный иностранной военной интервенцией. В результате вопрос о военных долгах был оставлен «для обсуждения впоследствии» [Волков, 1958. С. 48].

В советско-английском договоре, который подписан 8 августа 1924 г., указывалось, что «правительство Союза ССР заявляет, что, в изъятие из декрета от 28 января 1918 г. (об аннулировании долгов бывшего императорского и временного правительств), оно удовлетворит при условиях, установленных в настоящем договоре, претензии британских держателей займов, подлежащих оплате в иностранной (нерусской) валюте и выпущенных либо принятых на себя, либо гарантированных бывшим императорским российским правительством или самоуправлениями городов, расположенных на территории, ныне включенной в Союз». Но договор от 8 августа 1924 г. не был ратифицирован, так как в ноябре того же года к власти в Англии вновь пришло правительство консерваторов. Таким образом, вопрос о долгах снова был отложен [История дипломатии, 1945. С. 374].

Видя, что Англия начала с СССР переговоры о дипломатическом признании, а в ходе них обсуждается, в том числе, и долговая проблема, свою позицию была вынуждена изменить и Франция. Контакты между Парижем и Москвой по долговой тематике начались в 1925 г., а 25 февраля 1926 г. открылась Парижская конференция. Основные принципы переговоров состояли в следующем. С одной стороны, Советский Союз «в порядке исключения» из декрета от 21 января 1918 г. об аннулировании долгов царского и Временного правительств был готов удовлетворить требования французских граждан, вытекающие из довоенных долгов царского правительства. С другой стороны, правительство Франции обязалось сделать все необходимое для предоставления СССР кредитов, которые облегчат выполнение его обязательств перед французскими держателями облигаций русских займов.

В ноте от 21 сентября 1927 г. советская делегация согласилась уплачивать Франции в течение 61 года по 60 млн зол. франков. Указанные годовые взносы должны вноситься в Общую кассу русских

займов, которая должна быть образована в Париже и будет производить их распределение.

Общая сумма французских кредитов СССР была определена в сумме 120 млн долл., предоставляемых в течение 6 лет, по 20 млн ежегодно и исключительно на оборудование для промышленности, транспорта, сельского и коммунального хозяйства. Две трети кредитов предполагалось использовать на оплату заказов промышленности Франции, одну треть – на закупки товаров у французских фирм. Погашение каждых 20 млн долл. осуществляется по истечении 6 лет, но выплата процентов должна начинаться со дня окончания года после предоставления кредитов.

Согласно советским предложениям, соглашение о долгах должно было вступить в силу лишь после заключения соглашения о кредитах. В шестимесячный срок правительство СССР обязалось депонировать в одном из банков Франции в качестве предварительного взноса 30 млн зол. франков, которые немедленно после ратификации соглашений о долгах и кредитах обеими договаривающимися сторонами должны были быть распределены между держателями российских ценных бумаг⁸.

Но 1 октября французское правительство официально поставило вопрос о замене советского полпреда в Париже Х. Раковского, воспользовавшись его призывами к мировой революции на одном из партийных форумов. И. Сталин отозвал одного из лидеров оппозиции в СССР, что вернуло позиции сторон в первоначальное положение. Более того, в 1928 г. французская сторона попыталась арестовать партию советского золота, направлявшуюся для продажи в США.

Параллельно проведению переговоров с европейскими странами Советский Союз пытался наладить аналогичный процесс и на своих дальневосточных границах. В июле 1924 г. на официальных переговорах японская сторона среди прочих требований предъявила и условия оплаты дореволюционных долгов (правительственных – на 300 млн иен и частных – на 69 млн иен). Данные переговоры завершились подписанием в январе 1925 г. в Пекине Конвенции об основных принципах взаимоотношений между СССР и Японией, где финансовым претензиям была посвящена лишь одна фраза о

---

⁸ Международная политика новейшего времени... Ч. III, вып. 1. М., 1928. С. 396–401.

том, что «все вопросы о долгах правительству или подданным Японии в связи с займами царскому и Временному правительствам оставлены для разрешения на последующих переговорах» [Кутаков, 1961. С. 187]. Аналогичная позиция зафиксирована и на советско-американских переговорах в начале 1930-х гг.

Если говорить о внутренних последствиях аннулирования государственных долгов, то стоит вспомнить прежде всего о конфискации церковного имущества. И неслучайно процесс ограбления церкви начался в марте 1922 г., накануне Генуэзской конференции, где решался вопрос о «русских» долгах. В.И. Ленин 19 марта 1922 г. писал: «Нам во что бы то ни стало необходимо провести изъятие церковных ценностей самым решительным и быстрым образом, чем мы можем обеспечить себе фонд в несколько сотен миллионов золотых рублей... Без этого фонда никакая государственная работа вообще, хозяйственное строительство в частности, и никакое отстаивание своей позиции в Генуе в особенности, совершенно невысказано...»⁹. Это прекрасно понимало и население. Так, рабочие Яхромской фабрики Дмитровского уезда заявили, что «протестуют против принудительного отбора церковных ценностей, потому что все отобранное не последует по назначению и только сотая часть собранного пойдет на помощь голодающим, все остальное золото и все ценности уйдут на уплату царских долгов» [Кривова, 1997. С. 97].

Остро нуждаясь в притоке иностранного капитала, сразу после Генуэзской конференции советское правительство попыталось осуществлять заемные операции на международном финансовом рынке. Первый опыт подобной работы был получен в процессе подготовки и выпуска в сентябре 1922 г. Первого международного 5%-ного займа. Эмитентом этого займа являлось находившееся в Берлине торгово-промышленное акционерное общество Международной рабочей помощи (Межрабпом). Заем был выпущен в виде долгосрочных облигаций на сумму 1 млн долл., хотя первоначально обсуждалась сумма в 1 млрд. Оплату процентов и погашение облигаций должно было осуществлять Российское отделение общества. Советское правительство гарантировало выкуп и оплату процентов по займу. Но полностью целей займа достигнуть не удалось [Голицын, Соколов, 2017а. С. 168–170].

---

⁹ Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. 1917–1941. Документы и фотоматериалы. М., 1996. С. 89.

Кроме того, РСФСР пыталась распространять за границей и собственные облигации. Так, постановлением СНК РСФСР от 31 октября 1922 г. о выпуске выигрышного займа предполагалась его реализация не только внутри страны, но и за рубежом. В Германии об этом займе был опубликован проспект. Все расчеты с владельцами облигаций за границей производились в российской золотой валюте или долларах. Однако эта попытка фактически провалилась. В 1923–1924 финансовом году предполагалось реализовать за рубежом облигаций этого займа на 50 тыс. руб., а получили только 5 тыс. руб., при том что общий объем этого займа составлял 100 млн руб. [Хейфец, 2003. С. 97].

Не имея возможности получать иностранные кредиты, советское правительство было вынуждено восстанавливать внутренний фондовый рынок. Но разместить облигации госзаймов внутри страны было практически невозможно, так как население не доверяло правительству. Поэтому распространение Первого выигрышного займа, выпущенного в 1922 г. первоначально в свободное обращение, стало на следующий год «добровольно-принудительным». Провал объясняется достаточно просто. Несмотря на очень привлекательные условия займа, у потенциальных покупателей не было уверенности в прочности и последовательности новой экономической и финансовой политики советского государства, ведь еще несколько лет назад революционные декреты угрожали суровым наказанием за операции с ценными бумагами [Голицын, 2020. С. 265].

Во второй половине 1920-х гг. для населения страны невозможность получения иностранных кредитов обернулась фактически обязательной подпиской на облигации внутренних госзаймов. В 1927 г. практически во всех предприятиях и организациях появились комитеты содействия госкредиту (комсоды), которые и занялись распространением гособлигаций. Каждый рабочий и служащий должен был подписаться на облигации в размере месячного заработка, правда, разрешалось оплачивать облигации частями по 7–8 % в месяц. Характерно, что советские облигации имели маленький номинал, что позволяло собирать в государственную казну даже небольшие суммы с самых широких слоев населения. При этом практически все займы имели выигрышные выпуски, чтобы хоть как-то сделать их привлекательными. В дореволюционной же России номинал ценных бумаг был высоким, чтобы отсечь «от игры» на фон-

довом рынке малообеспеченные слои населения. Выигрышных же займов за всю историю выпуска гособлигаций было размещено всего три.

По официальным данным, на 1 октября 1929 г. в СССР 75 % государственного долга состояли из массовых займов, распространявшихся по коллективной подписке, и лишь 25 % – из рыночных займов. В результате доходы от внутренних займов в бюджете 1928/1929 гг. составили 34,3 % [Соколов, 2005. С. 310].

Кроме государственных займов, советское правительство в первые годы индустриализации пыталось выпускать и облигации акционерных обществ, размещая их за валюту. Так, в целях привлечения средств на нужды технической реконструкции Уссурийской железной дороги 19 июня 1928 г. советское правительство разрешило ее правлению выпустить облигационный заем на сумму 30 млн руб. сроком на 4 года. По облигациям займа со дня выпуска назначались проценты в размере 8 % годовых. Разрешалось продавать облигации займа за иностранную валюту как за границей, так и на территории СССР. Облигации займа могли котироваться на бирже, свободно продаваться и закладываться, без ограничений ввозиться и пересылаться в СССР из-за границы. Предусматривалось, что продажа облигаций начнется по курсу 75 руб. и производиться будет только в иностранной валюте, паритетной курсу червонца. За время с 1 октября 1930 г. по 1 ноября 1931 г. Дальбанком в Харбине было продано облигаций займа Уссурийской железной дороги на сумму немногим более 9 млн руб. И хотя это немаленькая сумма, но общий объем займа был гораздо выше. В октябре 1936 г. данные облигации на сумму 49 млн руб. были уничтожены из-за отсутствия спроса.

Другим корпоративным займом стал облигационный заем Акционерного Камчатского общества. «В целях привлечения средств для развития промышленных предприятий» правлению АКО в 1931 г. разрешалось выпустить облигационный заем на сумму в 25 млн руб. сроком на 4 года. Заем обеспечивался доходами и всем имуществом Акционерного Камчатского общества. Но и их размещение нельзя признать успешным, так как полностью они не были размещены. Остаток тиража сожгли в 1934 г. [Голицын, Соколов, 2017б. С. 182–187].

В годы первой пятилетки появляется еще один вариант получения валюты для индустриализации. В июле 1930 г. создается «Спе-

циальная контора по торговле с иностранцами в СССР “Торгсин”». В первое время покупать товары в Торгсине могли только иностранцы, через год советские граждане уже тоже могли приобретать что-либо за золотые рубли царской чеканки, а в ноябре 1931 г. Торгсину было разрешено скупать у населения бытовое золото. В декабре 1932 г. Торгсин начинает принимать в оплату за продукты серебро, особенно активно эта операция будет проводиться весной 1933 г. в разгар голода. За короткий период своего существования (около 5 лет) Торгсин скупил ценностей на сумму более 287 млн руб., что эквивалентно 220 т золота [Осокина, 2019. С. 310, 334–337].

Еще одной возможностью получения валюты являлась продажа за рубеж произведений искусства. За шесть лет (1928–1934 гг.) из музеев СССР было продано около 20 тыс. различных экспонатов, в том числе около 1500 произведений живописи. Среди них – неопределимые шедевры (Боттичелли, Ван Дейк, Ван Эйк, Веласкес, Веронезе, Рафаэль, Рембрандт, Рубенс, Тициан и др.). По мнению Ю. Жукова, за все, включая шедевры, получено около 2,5 млн золотых руб. или 12,5 млн долл. [Жуков, 2005. С. 324–326.] Е.А. Осокина, ссылаясь на оценку наркома просвещения Бубнова, считает, что антикварный экспорт принес государству около 40 млн руб., что примерно равно стоимости импортного оборудования для Горьковского автомобильного завода или Магнитки [Осокина, 2003. С. 264].

Но, конечно, самым масштабным последствием невозможности внешнего финансирования индустриализации стало проведение коллективизации. Именно отсутствие внешних кредитов заставило советское правительство покупать промышленное оборудование за наличные. Это поставило импорт в прямую зависимость от экспорта. А так как главным экспортным продуктом было зерно, начинается его изъятие у крестьянства. В августе 1930 г. Сталин писал Молотову: «Микоян сообщает, что заготовки растут и каждый день вывозим хлеба 1–1,5 млн пудов. Я думаю, что *этого мало*. Надо поднять теперь же норму ежедневного вывоза до 3–4 млн пудов *минимум*. Иначе рискуем остаться без наших новых металлургических и машиностроительных (Автозавод, Челябинский и пр.) заводов. Найдутся мудрецы, которые предложат *подждать* с вывозом, пока цены на хлеб на международном рынке не подымутся “до высшей точки”. Таких мудрецов немало в наркомторге. Этим мудрецам надо гнать в шею, ибо они тянут нас в капкан. Чтобы ждать, надо иметь валютные

резервы. А у нас их нет... Словом, нужно *бешенно форсировать* вывоз хлеба»¹⁰.

В стране разворачивается процесс чрезвычайных мер в хлебозаготовках, а затем насильственная коллективизация. Взаимосвязь этого процесса с аннулированием государственных долгов в 1918 г. для крестьян была очевидна. Неслучайно в разных районах страны отзывы крестьян были одинаковыми («хлеб забирают, чтобы расплатиться по царским долгам»)¹¹.

При этом у крестьян не только изымали зерно, но и заставляли покупать облигации госзаймов. Вот что писал в июне 1928 г. Ю. Степанов из деревни Ново-Николаевка Лисогорского района Первомайского округа УССР «всеукраинскому старосте» Г.И. Петровскому: «...Это интересная комедия – облигации укрепления крестьянского хозяйства. Но разве вы этими облигациями укрепляете хозяйство? Вы разоряете его. А именно, для того чтобы мне выплатить все облигации, я продал все, чуть ли не последнюю рубашку»¹².

Подводя итоги, можно констатировать, что финансирование индустриализации из-за невозможности получения внешних займов способствовало чрезвычайному напряжению при получении валюты за счет практически всего, что можно было отправить на экспорт (золото, зерно, лес, нефть, произведения искусства и др.). При этом усиленная бумажно-денежная эмиссия и бюджетные вложения в развитие промышленности во многом за счет внутреннего рынка капиталов не только не способствовали подъему благосостояния населения (особенно сельского), но и привели к его заметному снижению, особенно в годы первой пятилетки. Напротив, использование внешних кредитов при проведении индустриализации позволило бы избежать многих тягот для населения СССР. Основной же причиной отсутствия зарубежных займов и необходимости получения валюты любым способом в конце 1920 – начале 1930-х гг. стало аннулирование внешних и внутренних займов в январе 1918 г. и невозможность реструктуризации государственного долга в дальнейшем

---

¹⁰ Сталин И.В. Сочинения. Тверь, 2004. Т. 17. С. 347–348.

¹¹ Печерский В.А. Отношение крестьян Хакасии к аграрной политике государства в 30–40 годы XX в. URL: <http://hist.dkn-asu.ru/45-220.html&text>; Хришкевич Т.Г. Кооперация в оценке крестьян северо-запада России (по материалам 1920-х годов). URL: <http://journal.pskov.ru/docs/number16/17.html&text/>.

¹² Голос народа. Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918–1932 гг. М., 1997. С. 211.

из-за потери доверия со стороны иностранных инвесторов и правительств.

Литература

Волков Ф.Д. Англо-советские отношения (1924–1929 гг.) М.: Госполитиздат, 1958. 464 с.

Голицын Ю.П. Первые советские государственные займы и денежная реформа 1921–1924 гг. // Деньги в российской истории. Вопросы производства, обращения, бытования. Вып. 3. СПб.: Гознак, 2020. С. 261–266.

Голицын Ю.П., Соколов А.С. «Связан с честью и авторитетом Коммунистического Интернационала» // «До основания, а затем...» (ценные бумаги революционной и советской России: исторические сюжеты). М.: Перо, 2017а. С. 168–174.

Голицын Ю.П., Соколов А.С. «Право требовать оплаты в иностранной валюте» (внешние займы советских акционерных компаний) // «До основания, а затем...» (ценные бумаги революционной и советской России: исторические сюжеты). М.: Перо, 2017б. С. 182–187.

Жуков Ю. Сталин: операция «Эрмитаж». М.: Вагриус, 2005. 335 с.

Зак А.Н. Государственное банкротство России как явление финансово-экономическое и международно-правовое // Коллас К. Государственное банкротство и его течение. Пг.: б.и., 1918. 128 с.

История дипломатии: в 3 т. / под ред. В.П. Потемкина. Т. 3: Дипломатия в период подготовки второй мировой войны (1919–1939) / сост. И.И. Минц, А.М. Панкратова и др. М., Л.: ОГИЗ, 1945. XII, 883 с.

Кривова Н.А. Власть и церковь в 1922–1925 гг.: Политбюро и ГПУ в борьбе за церковные ценности и политическое подчинение духовенства. М.: АИРО-XX, 1997. 247 с.

Кутаков Л.Н. Портсмутский мирный договор (Из истории отношений Японии с Россией и СССР. 1905–1945 гг.) М.: Соцэкгиз, 1961. 291 с.

Осокина Е.А. Антиквариат (Об экспорте художественных ценностей в годы первой пятилетки) // Экономическая история: Ежегодник. 2002. М.: РОССПЭН, 2003. С. 233–268.

Осокина Е. Алхимия советской индустриализации: время Торгсина. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 344 с.

Прокопович С.Н. Идея планирования и итоги пятилетки. Париж: б.и., 1934. 115 с.

Соколов А.С. Финансовая политика Советского государства. 1921–1929 гг. М.: Звездапад, 2005. 366 с.

Хейфец Б.А. Кредитная история России. Характеристика суверенного заемщика. М.: Экономика, 2003. 392 с.